

Глава 1

В начале пути. Мозг и сознание

Ближе к истине старинное изречение, что ребенок при рождении — это чистая доска, *tabula rasa*. Конечно, то, что будет записано на доске, определяется средой, в которой рос и воспитывался ребенок. Однако современная генетика заставляет нас помнить, что целый ряд конкретных поведенческих реакций животных наследственно закреплены. Так что в генетических особенностях эмоционально-поведенческого склада сомневаться не приходится. Поэтому мы не станем уверять читателя, что биологическая природа человека никак не связана с его духовным обликом. Разумеется, связана каким-то сложным способом, исследование которого явится увлекательной задачей науки в ближайшие десятилетия.

*А. И. Китайгородский.
Невероятно — не факт*

«Я родился в России, точнее, на территории Российской империи, в крохотном еврейском местечке Гора-Калевария близ Варшавы. Произошло это в канун нового века — 10 сентября 1899 года.

Трудно сейчас представить и описать жизнь такого местечка — однообразную, скудную, наполненную суевериями и борьбой за кусок хлеба. Гораздо лучше меня это сделал в своих произведениях великий еврейский писатель Шолом-Алейхем... Этого удивительного человека, так великолепно знавшего жизнь и чаяния еврейской бедноты, я любил с раннего детства. С первой и, к сожалению, единственной нашей личной встречи, когда ему, уже прославленному писателю, остановившемуся проездом в наших местах, демонстрировали меня, девятилетнего мальчика, учившегося успешнее других. Помню его внимательный взгляд из-под очков, небольшую бородку и пышные усы. Помню, как он ласково потрепал меня по щеке и предсказал большое будущее... Нет, это не было предвидением. Просто Шолом-Алейхем верил в неисчерпаемую талантливость народа и в каждом втором мальчишке хотел видеть будущее светило. Эта вера отчетливо проявилась и в его проникнутых теплотой к простым людям книгах. Вспомните хотя бы его роман “Блуждающие звезды”... Конечно, с его новеллами, романами и пьесами я познакомился значительно позднее. Но и сейчас еще, когда я открываю иные страницы его книг, меня охватывают впечатления раннего детства. Вот к этим волшебным страницам одного из самых любимых моих писателей я и отсылаю своего читателя, который захочет представить жизнь еврейского местечка, в котором я появился на свет и прожил первые годы своей жизни».

Физик отложил книжку под претензионным названием «Я — телепат» и, усмехнувшись, посмотрел на Психолога, пролистывающего ДСП (материалы для служебного пользования) — сборник «Космическая медицина и физиология».

— Ну и как это вам, милейший? Где здесь искать природу мессмерического ясновидения?

— Зря вы подтруниваете. Во всяком случае, если писатель этот, можно сказать «инженер душ человеческих», отмечает природный юный талант — это многое значит. Конечно, — Психолог веером пролистал страницы толстого сборника и, скептически хмыкнув,

остановился на оглавлении, — если подходить с точки зрения ваших публикаций: «Моделирование психофизиологических парациркоидальных состояний», «Мультибиоконтурные модели в космической медицине» или «Биофизические гипнотренинги космонавтов», то нужны какие-то более весомые факты.

— А вы послушайте дальше, мне кажется, здесь есть одна небольшая подсказка, — и Физик опять раскрыл книгу с броским названием «Я — телепат»:

«От этих первых лет не так уж много осталось у меня в памяти. Маленький деревянный домик, в котором жила наша семья — отец, мать и мы, четыре брата. Сад, в котором целыми днями возился с деревьями и кустами отец и который нам не принадлежал. Но все же именно этот сад, арендуемый отцом, был единственным источником нашего существования. Помню пьянящий аромат яблок, собранных для продажи... Помню лицо отца, ласковый взгляд матери, детские игры с братьями. Жизнь сложилась потом нелегкой, мне, как и многим моим современникам, довелось немало пережить, и превратности судьбы оказались такими, что от детства в памяти не осталось ничего, кроме отдельных разрозненных воспоминаний.

Отец, братья, все родственники погибли в Майданеке, в варшавском гетто в годы, когда фашизм объявил войну человечеству. Мать, к счастью, умерла раньше от разрыва сердца. И у меня не осталось даже фотокарточки от тех лет жизни... Ни отца... ни матери... ни братьев...»

Физик постучал чубуком своей «эйнштейновской» трубки по хрустальной пепельнице и раздраженно заметил:

— Уже с этого момента начинается полная путаница в биографических данных и забытая семья с отцом-деспотом превращается в свою полную противоположность. Вот послушайте дальше, — он продолжил чтение:

«Вся семья — тон этому задавали отец и мать — была очень набожной, фанатически религиозной. Все предписания религии исполнялись неукоснительно. Бог в представлениях моих родителей был суровым, требовательным, не спускавшим ни малейших провинностей. Но честным и справедливым.

Отец не баловал нас, детей, лаской и нежностью. Я помню ласковые руки матери и жесткую, беспощадную руку отца. Он не стеснялся задать любому из нас самую беспощадную трепку. Во всяком случае, к нему нельзя было прийти пожаловаться на то, что тебя обидели. За это он бил беспощадно, обиженный был для него вдвойне и втройне виноватым за то, что позволил себя обидеть. Это была бесчеловечная мораль, рассчитанная на то, чтобы вырастить из нас зверят, способных удержаться в жестком и беспощадном мире».

Психолог с сомнением покачал головой:

— Пожалуй, для четких выводов еще маловато информации. Конечно, здесь уже просматриваются некие предпосылки к формированию психологии личности. Следуя немецкому психологу Карлу Леонгарду, можно заметить: только то, что можно вывести из непосредственных наблюдений над живыми людьми и их поступками, следует считать психологически достоверным. И в первую очередь здесь имеется в виду психология личностей, называемых акцентуированными. Акцентуированные личности — это люди с ярко выраженной определенной чертой характера или набором таких черт, например мнительностью (Сталин), болезненной аккуратностью (Тесла), импульсивностью (Иван Грозный).

Понятно, что яркие впечатления детского возраста обязательно накладывают определенный отпечаток на основные черты психики взрослого человека. Тут бесспорно одно — и склонности, и направленность основных интересов любого человека возникают на грани внешнего и внутреннего. Причем то, что обычно называют судьбой, предначертаньем или роком, связано с тысячей больших и малых обстоятельств, порожденных как врожденным генотипом, так и окружающим миром. Какое именно направление получает духовное развитие человека, во многом определяет окружающая среда. Точно так же врожденная направленность интересов и склонностей ни в коей мере не препятствует воспитательному воздействию. Более того, именно врожденная направленность и является часто основой любого воспитательного процесса. Например, если бы в человеке не была заложена тенденция к формированию чувства долга, то при помощи воспитания нельзя было бы побудить его делать одно и не делать другого.

— Ну не знаю, не знаю, — Физик, посвистывая в мундштук, продул свою пустую трубку, — вообще-то говоря, мне всегда казалось, что люди отличаются друг от друга совершенно независимо от того, каким путем формируется их индивидуальный психический облик. Ну почти точно так же, как по внешности один человек всегда отличается от другого, — и ученый, отставив в сторону пустую трубку и кiset, раскрыл еще одну книгу воспоминаний Мессинга — «О самом себе»:

«Позже мне рассказывали, что в самом раннем детстве я страдал лунатизмом. Якобы мать однажды увидела, как я во сне встал с кровати, подошел к окну, в которое ярко светила луна, и, открыв его, попытался влезть на подоконник... Излечили меня — опять же по рассказам — корытом с холодной водой, которое в течение некоторого времени ставили у моей кровати. Вставая, я попадал ногой в холодную воду и просыпался... Какова доля правды в этом сообщении, установить не берусь, но я дал обещание ни о чем не умалчивать. Может быть, какой-нибудь на первый взгляд совсем малозначащий эпизод окажется для кого-нибудь из специалистов, прочитающих эту книгу, наиболее интересным и важным».

Психолог не выдержал и расхохотался:

— Да уж, способ лечения сомнамбулизма более чем оригинальный!.. Впрочем, извините, коллега, и, пожалуйста, продолжайте...

«Когда мне исполнилось шесть лет, меня отдали в хедер. Это слово немного говорит современному читателю. Но ведь шестьдесят лет¹ назад три четверти населения царской России были вообще неграмотными. И люди ниже среднего достатка, какими были мои родители, да еще в бедном еврейском местечке, могли учить своих детей только в хедере — школе, организуемой раввином при синагоге. Основным предметом, преподаваемым там, был Талмуд, молитвы из которого страница за страницей мы учили наизусть...

У меня была отличная память, и в этом довольно-таки бессмысленном занятии — зубрежке Талмуда — я преуспевал. Меня хвалили, ставили в пример. Именно эта моя способность и явилась причиной встречи с Шолом-Алейхемом.... Но общая религиозная атмосфера, царившая

¹ Имеется в виду начало XX века. (Примеч. ред.)

в хедере и дома, сделала меня крайне набожным, суеверным, нервным».

— Ситуация понемногу проясняется, — довольно потер руки Психолог. — Когда мы говорим об индивидуальных чертах формирующейся личности, то не представляем их как какой-то необозримый ряд возможностей, вдобавок еще и с множеством взаимных переходов. Тут надо четко понимать, что бесконечности неповторимых индивидуальных черт не существует. Собственно, только благодаря этому мы и можем детально анализировать психическое становление таких странных личностей, как Вольф Мессинг. Здесь даже можно было бы выдвинуть следующий тезис: основные черты, определяющие индивидуальность и характер человека, весьма многочисленны, но все же их количество строго ограничено.

Физик, закончивший к тому времени набивать ароматным табаком свою трубку, неопределенно пожав плечами, заметил:

— Мне почему-то всегда казалось, что главное — это не количество психологических качеств, а то, что черты, определяющие индивидуальность человека, могут быть отнесены к четко очерченным психологическим сферам.

Раскурив трубку, Физик стал читать далее:

«Отметив мою набожность и способность к запоминанию молитв Талмуда, раввин решил послать меня в специальное учебное заведение, готовившее духовных служителей, — иешивот. Умоих родителей и мысли не появилось возразить против этого плана. Раз раввин сказал, значит, так надо!.. Но мне отнюдь не улыбалась перспектива надеть черное платье священнослужителя...»

Рис. 2. Вольф — ученик хедера (Актер: Александр Хинкис. Кадр из основного на производстве Эдуарда Володарского фильма «Вольф Мессинг: Видевший сквозь время» (2009) режиссеров Виталия Ускова и Владимира Краснопольского)

Я наотрез отказался идти после окончания хедера в иешибот. Со мной сначала спорили, потом отступились. И тут произошло первое и единственное в моей жизни чудо, в которое я верил довольно долго. С тех пор я не верю чудесам, но ведь тогда мне было всего девять лет...»

— Вот здесь, коллега, — Физик поднял вверх трубку, — я бы просил вас запомнить это оригинальное высказывание, ведь впоследствии начнется непрерывная череда этих самых чудес... Итак, что там у нас дальше:

«Однажды отец послал меня в лавку за пачкой папирос. Время было вечернее, солнце зашло, и наступили сумерки. К крыльцу своего дома я подошел уже в полной темноте. И вдруг на ступеньках выросла гигантская фигура в белом одеянии. Я разглядел огромную бороду, широкое скуластое лицо, необыкновенно сверкавшие глаза... Воздев руки в широких рукавах к небу, этот небесный — в моем тогдашнем представлении — вестник произнес:

— Сын мой! Свыше я послан к тебе... предречь будущее твое во служение Богу. Иди в иешибот! Будет угодна Богу твоя молитва...

Нетрудно представить себе впечатление, которое произвели эти слова, сказанные громopodobным голосом, на нервного, мистически настроенного, экзальтированного мальчика. Оно было подобно вспышке молнии и удару грома. Я упал на землю и потерял сознание... Очнулся — надо мной громко читают молитвы склонившиеся отец и мать. Помню их встревоженные лица. Но едва я пришел в себя, тревога их улеглась. Я рассказал о случившемся со мной родителям. Отец, внушительно кашлянув, произнес:

— Так хочет Бог... Ну, пойдешь в иешибот?

Мать промолчала.

Потрясенный происшедшим, я не имел сил сопротивляться и вынужден был сдаться».

— Вот здесь мы уже имеем все основания считать, что у нашего юного телепата началось формирование того, что профессор Леонгард называет «психической сферой направленных интересов и склонностей», — Психолог пружинисто подскочил из кресла

и, промчавшись вдоль книжных стеллажей, вернулся с книгой внушительных размеров. Перелистнув несколько страниц, он поднял палец. — Вот, подавляющее большинство личностных интересов и склонностей носят характер выраженной эгоистичности, и лишь малая их доля, напротив, альтруистична. Так, один человек может все подчинить жажде наживы или обладать непомерным тщеславием, другой — отзывчив и добр. К этой же сфере можно отнести и чувства справедливости, боязливости или даже ненависти. Если одно из этих свойств психики очень ярко выражено или, напротив, мало развито, то есть основания говорить о них как об индивидуальных чертах.

— Мн-н-нда... — Физик в задумчивости выпустил из трубки несколько колец голубоватого дыма и долго наблюдал, как они пронизывают друг друга. — Мне почему-то кажется, что в столь юном возрасте яркую выраженность подобных чувств еще нельзя считать основной причиной неординарности будущей личности, да еще и с акцентами в необычные психические способности. Конечно, столь необычное воспитание с мистико-религиозным уклоном, да еще и инсценированные чудеса как-то должны были влиять на детскую психику, но... — Физик перевернул страницу, — все же жизненная развилка у юного Вольфа была где-то впереди:

«...Помню иешибот. Он помещался в другом городе, и с этого началась моя жизнь вне дома. Опять Талмуд, те же самые, что в хедере, молитвы. Более широкий круг учителей, сменявших друг друга, преподносивших нам разные науки. Кормился — по суткам — в разных домах. Спал в молитвенном доме. Так прошло два года. И так, наверное, и сделали бы из меня раввина, если бы не одна случайная встреча.

Однажды в том самом молитвенном доме, где я жил, остановился странник — мужчина гигантского роста и атлетического телосложения. Каково же было мое изумление, когда по голосу я узнал в нем того самого “посланника неба”, который наставлял меня от имени самого Господа Бога на путь служения ему... Да, это было то же лицо: широкая борода, выдающиеся скулы. Я испытал потрясение не меньшее, чем в момент первой с ним встречи. Значит, отец просто сговорился с этим прошедшим огонь и воду проходимцем, может быть, даже заплатил ему, чтобы тот сыграл свою “божественную”

роль! Значит, отец попросту обманул меня, чтобы заставить пойти в иешибот! Если пошел на обман мой всегда справедливый и правдивый отец, то кому же верить?! Тогда ложь все, что я знаю, все, чему меня учили... Может быть, лжет и Бог?! Может быть, его и нет совсем? Ну конечно же его нет, ибо существуй он, всезнающий и всевидящий, он не допустил бы такое... Он на месте поразил бы громом нечестивца, осмелившегося присвоить себе право говорить от его имени... Нет Бога... Нет Бога...

Примерно такой вихрь мыслей пронесся у меня в голове, мгновенно разметав в клочки и очистив мой разум от всего того мусора суеверий и религиозности, которым меня напичкали в семье и в духовных школах...»

Рис. 3. Варшавская площадь, в глубине — один из иешиботов

С горечью вспоминает Мессинг свое более чем двухлетнее пребывание в иешиботе. Бесконечное заучивание все новых и новых молитв, скудное питание и короткий сон, явно недостаточные для растущего организма... Но, помня о наказе «посланца», он учился и благодаря острому уму и отличной памяти делал большие успехи. Не иначе как в скором времени пришлось бы ему надеть рясу раввина на радость родителям, если бы однажды...

*Н. Димова. Вольф Мессинг.
Драма жизни великого гипнотизера*